

Я прочитал эту книгу раньше многих, приобретаю её ещё в 1979 году на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне, где довелось побывать в составе делегации московских писателей. Это был год столетия со дня рождения Троцкого, ну, и не так давно вышел в парижском издательстве YMCA-PRESS в трёх томах, напечатанных мелким шрифтом, сей “Архипелаг”. Сочинения Льва Давидовича и Александра Исаевича красовались на всех прилавках: бери — не хочу. Троцкого я не брал, хотя потом он каким-то образом появился в моём книжном шкафу. А “ГУЛАг”, конечно, схватил. Ведь столько разговоров о нём! Да и с автором я был хорошо знаком и по переписке, и лично.

Когда уже дома я начал читать, то, прежде всего, был поражён, изумлён, ошарашен элементарной безграмотностью текста, обилием примитивного орфографического вздора. Тот, кто видел это сочинение в издании “Советского писателя” 1989 года тиражом в 100 тысяч или в том, что в 2007 году вышло в Свердловске тиражом уже в 4 тысячи (за 18 лет падение в 25 раз! А редактор — сама Н. Солженицына), может мне не поверить: ведь там, по крайней мере, с орфографией вроде всё в порядке. А дело в том, что в 1989 году у нас во всех редакциях существовал институт внутренних рецензий, были редакторы, бюро проверки, наконец, корректоры. Только благодаря этому сочинение Солженицына и вышло у нас в грамматически пристойном виде, за одно это ему следовало бы благодарить Советскую власть.

Но издание, которое я приобрёл во Франкфурте, вышло в Париже в таком зачуханном издательстве, где по скаредности хозяина или директора Никиты Струве нет ни редакторов, ни корректоров — ведь им надо платить! Там книги выходят в таком виде, в каком автор представил рукопись, то есть тут он голенький, без обработки, правки и прикрас. Что ж, это имеет свои достоинства с точки зрения подлинного знания об авторе.

Некто Николай Андряшин 3 октября заявил в отклике на статью в “Литературной газете” о нашем герое: “Обвинять Солженицына в безграмотности может только безграмотный тупица”. Это тот самый Андряшин, который, объявив себя анархистом, всех с ним не согласных объявляет ничтожествами. Тот самый, который заявил, что Шолохов после смерти Сталина назвал его... неприлично повторять. Откуда он это взял? Да у такого же пустоплыся или из собственного анархического кумпола. На самом деле, когда Сталин умер, Шолохов написал статью “Прощай, отец”, которая начиналась словами: “Как внезапно мы осиротели...” (Правда. 8 марта 1953). А потом, отменяя клевету на Сталина, говаривал: “Был культ, так была и личность!”

Между прочим, рассказывая, каким держимордой он был на фронте, как помыкал подчинёнными, Солженицын откровенно признавался в “Архипелаге”: “Я метал подчинённым беспспорные приказы, убеждённый, что лучше тех приказов и быть не может. Сидя, выслушивал я их, стоящих по стойке смирно. Обрывал, указывал. Отцов и дедов называл на “ты”... Ещё на формировке заставил нерадивого солдатика Бербенёва шагать после отбоя под команду непокорного мне сержанта Метлина. А на фронте посылал подчинённых под снарядами срывать разорванные провода, чтобы только не попрекнуло начальство (Андреяшин так погиб)”. То есть из боязни начальственного упрёка послал человека на смерть. И этот человек, анархист Андреяшин, ваш однофамилец, а может, и родственник. Конечно, это никакого отношения к грамотности не имеет, тут скорее нечто мистическое. А своё глумление над солдатами Солженицын, разумеется, оправдывал: “Вот что с человеком делают погоны!” Они, мол, виноваты. Я видел на фронте немало человек в офицерских погонах, и до сих пор помню их: полковники Горбаренко и Звездич, майор Амбрузов, капитаны Ванеев, Елсаков, Шуст, старшие лейтенанты Ищенко и Савчук, лейтенанты Павлов, Дунюшкин, Михайлин, Эткинд, младший лейтенант Гудкова... И, пожалуй, только один-два из них были с задатками Солженицына. Остальные – вполне достойные люди и командиры. С Алексеем Павловым, ныне полковником в отставке, живущим в Алуште, дружим до сих пор, бывали в гостях друг у друга, переписываемся, я даже стихи ему посвятил в связи с возвращением Крыма.

Что ж, драгоценный Андреяшин, пойдёмте прогуляемся по тексту “Архипелага”. Вам-то, анархисту, что, а я сразу – чуть не в обморок: асС... нивел-Лировать... балЛюстрада... агГломерат... мусСаватист... карРикатура и даже – анНальная отверстие... Придя в себя, я подумал, что ж, это всё-таки слова иностранного происхождения, не будем строги. Но с другой стороны, ведь автор имел высшее образование, окончил Ростовский университет, был там сталинским стипендиатом, да ещё два курса знаменитого Московского Института истории, философии и литературы (ИФЛИ). Как же так? Неужели он там не грыз гранит науки, а только ковырял в отверстии? За что же стипендия? Как видим, ошибки однотипные – ненужное удвоение согласных. Это наводит на мысль, что писал один человек.

Но вот ещё: военная кОмпания... РККА обладалО... прЕуменьшено (1,439). Ну, первое словцо опять иностранного роду-племени, второе – аббревиатура, тоже случай непростой, да и с этими “пре” и “при” многие путаются. Но имеет ли на это право нобелевский лауреат? Как думаете, анархист?

Однако же вот слова исконно, кондово русские, но и тут такая же достослёзная картина, и моё изумление подкочило ещё выше. Судите сами. Вместо “навзничь” автор пишет “ничком” и наоборот. Или: запАдозрЕть... женщина в шёлковом платьИ... мы у них в презреньИ... рассказ об одном воскресеньИ... при многолюдьИ... на мелководьИ... в ПоволжьИ... в ЗаполярьИ... Опять однотипная неграмотность!.. Или: “вещи бросаются в тут же стоящИю бочку”... “Маркелов стал нЕ много, нЕ мало председателем месткома”... Но если всё это были ошибки, так сказать, вполне “доступные” русскому человеку, то вот уж нечто вовсе запредельное: восСпоминания и даже – подпис-Си (2,475)... Нет, так не мог написать русский человек, это что-то заморское. А разве может русский человек, русский писатель написать “дети околевали”. Как о щенках! Но он же вроде русский? Да и среди тех, у кого отчество Исаакович, редко встретишь такое диво.

И с географическими названиями то же самое. Ну, ладно, опять же он не знал, как правильно писать название немецкого города Вормдйтт, в котором его арестовали в феврале 1945 года, простим ему и Маньчжурию с мягким знаком, не будем стыдить и за то, что в США на одном митинге он воскликнул по поводу радостной встречи: “Я должен был встретиться с американцами ещё на Эльбе, но меня арестовали!” А на самом деле 48-я армия, в которой он служил, шла не на Эльбу, а на Вислу в направлении горда Эльбинг, который он спутал с Эльбой... Но не будем стыдить покойника, не будем...

Однако же ведь нобелиат в таком духе упрямо твердил и о советских городах: КишЕнёв (1,134)... КишЕнёв (1, 565)... КишЕнёв (3,538)... юристы Алмы-Аты... И даже знаменитый Халхин-Гол у него превратился в Халхингол. А казалось бы, незабываемая Таруса, где он провёл свой медовый месяц,

у него ТарусСа, как и ТартусСкий университет. Не умел правильно написать Ледоидное Поле, Наро-Фоминск, Иваново-Вознесенск, Хакасия, посёлок Железинка, Бауманский район... Пусть бы уж писал, как хочет, иностранные имена: ТрумЕн (3, 52) или Мао-дзе-Дун (1, 265). Но ведь и простые русские имена вышли из-под его пера в неприличном виде: ВячИслав... КЕрилл... А у Солженицына был друг юности Кирилл Симонян, с которым он во время войны переписывался. Неужели так и писал: "Дорогой Керюша!" А тот не обижался?

И вот что ещё изумляет. Он же такой верующий, что аж возомнил себя "мечом Божьим", и однако же библейский ГОулиаф у него ГАулиаф... Ещё и КесСарийский... И уж вовсе умопомрачительная трансформация: не Троице-Сергиева, а ТроицКО-СергиевСКАЯ лавра. Будто она получила название не в честь святой Троицы и своего основателя преподобного отца Сергия, а в память каких-то безвестных товарищей Троицкого и Сергиева.

А то вздумал ещё блеснуть знанием немецкого, но вместо die Sowietunion лихо выдал Soviet Union. Другой раз для понту вставил в текст известную английскую поговорку My home is my castle (Мой дом – моя крепость). Похвально. Только англичане, которые настоящие, предпочитают в таких случаях говорить не home, а house. В другой раз свернул nach der Heimat (домой, на родину). Весьма интеллигентно. Но немцы, которые вполне грамотные, говорят в этом случае не nach der, а in die. Или nach Hause, heim. Словом, дикое невежество на любой вкус, в том числе на иностранный! И при всём при этом он ещё гневно и презрительно восклицал: "Безграмотная эпоха!" А спустя двадцать с лишним лет предал гласности тот ужаснувший его факт, что какой-то инспектор райпо в Казахстане в какой-то ведомственной бумаге написал не "ботинки", а "батинки". Да он, вероятно, и не русским был.

Что же всё это означает? Мало того, что человек имел полтора высших образования, но Наталья Решетовская, первая жена сочинителя, вспоминала, что муж был очень аккуратен, дотошен, делал бесконечные выписки из прочитанных книг и мечтал, чтобы в доме стояла ваза с карточками, на которых разного рода цитаты и даты, а он, проходя мимо, запуская бы руку в вазу, вытаскивал несколько карточек и проверял себя. Голубая мечта зубрилы...

Но ведь дело не только в столь загадочной орфографической безграмотности. В этой великой книге мы на каждом шагу встречаем ещё и великое множество нелепостей совсем иного рода – исторических, географических, житейско-бытовых и т. д.

Вот один из её персонажей говорит, что в 1812 году из-за лесов и болот "Наполеон не нашёл Москвы" (1, 387). Ну, он может быть дурак дураком, но его словам никто же не удивляется, никто не возражает, не переспрашивает, принимают как само собой разумеющееся. Выходит, что и автор, и все персонажи этой сцены согласны, что не было ни Бородинской битвы, ни пожара Москвы, ни Березины, ни гибели 600-тысячной армии двенадцати языков, а наткнулся Наполеон на болота, повернулся и пошагал домой, где его ждала красавица Жозефина. И Ватерлоо не было, и русской армии в Париже не было. Интересная история... Замечу, что эту дичь, как и многое другое, столь же высококачественное, вдова писателя, не шибко превосходящая его на поприще знаний, в помянутом екатеринбургском издании 2007 года, которое редактировала лично своею любящей рукой, – эту дичь оставила в неприкосновенности (1, 356).

А вот мы читаем, что после революции и гражданской войны население у нас было 180 миллионов. Это супруга милосердно поправила: 150. Может, вспомнила поэму Маяковского, так и называвшуюся – "150 миллионов" (1919). В другом месте читаем, что в 1941 году население у нас было 150 миллионов, а на самом деле, как известно, около 195 млн. Иначе говоря, в одном случае ему в лживых и клеветнических целях захотелось уменьшить цифру на 45 млн, в другом в тех же целях – увеличить на 30 млн, и он без колебания в обоих случаях манипулирует цифрой населения родины либо действительно не знает его. Писал также, что за каждым из руководителей Беломорканала числится тысяча по 30 загубленных душ. Вдове показалось мало, добавила 10: по 40 тысяч (2007. С. 79). Всё, что он писал о Беломорканале, великой стройке Первой пятилетки, имевшей огромное народнохозяйственное и военное значение, – первоклассная туфта. Как он нам пригодился в 1941 году!..

Есть в этом сочинении и о кошмарах в какой-то Михневской области, и атаман Платонов, и Кипр вместо Крита, и подарил он Марксу книгу Энгельса “О положении рабочего класса в Англии”, которую тот написал ещё до знакомства с Марксом... Вот это очень примечательно. Ведь Солженицын до тех пор, пока не сделался “мечом Божиим”, считал себя завзятым марксистом, намерен был написать книгу “Люби революцию”, считал, что Сталин отступит от марксизма, и негодовал по этому поводу, писал жене с фронта, чтобы она закупала марксистскую литературу, так как опасался, что она исчезнет, — и вот, пожалуйста, путает Маркса с Энгельсом! Вдове надо бы поправить, да она и не знает, кто это такие, так и печатает лажу (2, 221).

Ну, ладно, он приписывает Бёрнсу стихи, которые тот никогда не писал, но как цитирует любимого Пастернака, его “Лейтенанта Шмидта”! Он у него говорит на суде:

*Я тридцать лет вынашивал
Любовь к родному краю,
И снисхожденья вашего
Не жду и не теряю!*

Как это — не теряю? Чтобы потерять, надо иметь. Бесмыслица же! И это сталинский стипендиат? У Пастернака, конечно же, “и не желаю”.

Я уж не говорю о таких приступах слабоумия, как байки о целом составе, в каждое вагонное купе которого, рассчитанное на четверых, запихивали, мол, по 36 заключённых, то есть в 9 раз больше, чем полагается, и три недели зачем-то везли с Камчатки в Москву (1, 492); или о камерах на 20 человек, в которых-де отбывали срок 323 заключённых (1, 523), то есть в 16 раз больше; или о тюрьмах, рассчитанных, дескать, на 500 человек, а в них сидело 10 тысяч, то есть в 20 раз больше (1, 536). Слышите, анархист, — врёт в двадцатикратном размере! Да уж не был ли и он анархистом?

Кому этого мало, может прочесть и такое: “Роту заключённых около ста человек ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ДНЕВНОЙ НОРМЫ ЗАГНАЛИ НА КОСТЁР — И СОЖГЛИ” (2, 54. Выделено им). В другой раз за то же самое заморозили в лесу 150 человек (там же). Итак, истребили 250 человек. А кто за них будет завтра выполнять план? Ведь за план-то начальство взыщет! Кто будет выполнять? Да, видно, сам Солженицын, его жена, сыновья да вот этот самодельный анархист. Но это что! А ещё был случай, говорит, когда просто так, от нечего делать, просто патроны были лишние, взяли и за три дня расстреляли 960 человек (2, 381). Вот так же писатель Ч., ныне покойный, уверял, что маршал Жуков на Ленинградском фронте “батальонами расстреливал”. Я ему говорил: “Ну, допустим, расстрелял два-три батальона. А кто же вместо них оборону держать будет?” Этого Ч. не знал... Удивительно, как желание сказать гадость дурбавляет способность здраво соображать. А Солженицын уже не мог остановиться: “заключёнными в зоопарках живьём кормили хищников” (1, 492).

Ну, на этом, я думаю, пора сделать вывод. По-моему, совершенно ясно, что иметь такого уровня грамотность, нагородить столько несусветного вздора (а тут лишь малая часть) не мог психически нормальный взрослый русский человек, имеющий высшее образование. И есть веские основания полагать, что “Архипелаг” написан если не целиком другим человеком, не русским, или несколькими иностранцами, плохо знающими и русский язык, и русскую историю, то во всяком случае при их весьма активном участии.

В нашей прессе неоднократно приводились такие вот строки из воспоминаний бывшего американского посла в СССР и разведчика Д. Бима: “Когда мои сотрудники в Москве принесли мне ворох листов за подписью Солженицына, я вначале не знал, что мне делать с этим бредом. Когда же я посадил за редактирование и доработку десяток опытных и талантливых редакторов, я получил “Архипелаг ГУЛар” (Н. Федь. Литература мятежного века. М., 2003. С. 512).

Действительно, французенка по рождению Ольга Андреева-Карлайль, внучка известного писателя Леонида Андреева, в книге “Возвращение в тайный круг” (М., 2004) рассказывает, что Солженицын первоначально планировал издание своего бессмертного “Архипелага” в крупном американском издательстве “Харпер энд Роу”, где до этого с помощью Ольги Вадимовны и её

мужа Генри роскошно был издан роман “В кругу первом”. Она писала: “Я представляла себе, что мы — наша тайная организация с базой в США — была телом, а голова этого тайного организма находилась в Москве. Получая распоряжения от головы, тело претворяло их в жизнь” (с. 110). Супруги пять лет возились с рукописью “Архипелага”, устроили её перевод на английский, и всё было готово к изданию, но вдруг у “головы” поехала крыша, она заподозрила “тело” в финансовых махинациях и написала супругам, что они могут перевод сжечь, “голова” отказалась от их услуг, да ещё по своему лагерному сексотскому обыкновению обвинила их в том, что по их вине она была выслана из СССР. А книгу издали во Франции.

А вот ещё и докладная записка председателя КГБ Ю. В. Андропова в ЦК от 10 апреля 1972 года, в которой есть такие строки: “По полученным данным, РОСТРОПОВИЧ, на даче которого продолжает проживать СОЛЖЕНИЦЫН, 27 марта посетил посла США Д. Бима и беседовал с ним в течение двух часов” (Кремлёвский самосуд. М. 1994. С. 221). О чём они могли беседовать, как не о Солженицыне! О чём, кроме тогда уже готового “Архипелага”.

Ну, а талантливость упомянутых Бимом редакторов, если они действительно работали над рукописью, как мы могли убедиться, не высокого полёта. Но они могли быть именно людьми плохо знающими и русский язык, и русскую историю. О чём говорить, если в США даже президенты путают Ливию и Ливан, Австрию и Австралию, если их фильм о нашей Отечественной войне назывался у них “Неизвестная война”. Вполне могли они думать, что и “Наполеон не нашёл Москвы”.

И вот что примечательно. В своём “Телёнке” (М., 1996) Солженицын орёт на переводчиков Бурга и Файфера: “Проходимы!” Рычит на переводчика Р. Паркера: “Прихлебатель! Халтурщик!” Визжит на издателя Фляйснера: “Лгун!” И поносит всех вместе: “Они испоганили мне “Один день Ивана Денисовича”!..” Что ж, такое буйство можно понять, если они действительно перевели и издали плохо. Но ведь всё-таки это лишь не очень большой рассказ, а тут — эпопея в 1500 страниц, Книга Жизни, но издана позорнейшим образом, однако — ни слова упрёка в адрес Никиты Струве. В чём дело? А судя по всему, вот в чём. Если это своя собственная непотребщина, то — на кого же орать? Сам виноват, что предстал перед читателем телешоу. Ты же знал, что это за издательство, в котором даже корректоров нет! И он уверяет, что именно сам: “Всю весну 1968 года мы печатали “Архипелаг” с Воронянской, Люшей Чуковской и Надей Левитской”. И называет их “умными-умными людьми” (там же. С. 332). Да неужто все три умницы были так малограмотны? Неужели ни одна из них не решилась сказать Солженицыну: “Батюшка гений, ну, что ж вы врётё-то так беззастыдно?” Невозможно поверить!

С другой стороны, если это дело рук бимовских “талантливых редакторов”, то батюшке опять лучше промолчать, чтобы скрыть их участие в создании своей Книги Жизни. Вот и молчал.

В декабре 1962 года вскоре после известной встречи руководителей партии и государства с деятелями культуры Солженицын безо всякого повода вроде юбилея или награды написал Шолохову, с которым виделся на этой встрече, весьма чувствительное письмо:

“Многоуважаемый Михаил Александрович!

Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, помешали мне выразить Вам тогда моё неизменное чувство, как высоко я ценю автора бессмертного “Тихого Дона”. От души хочется поздравить Вас успешного труда, а для того прежде всего — здоровья!

Ваш Солженицын”.

“Неизменное чувство”... Но прошёл недолгий срок, и он о той встрече с Шолоховом уже пишет в “Телёнке” так: “Хрущёв миновал Шолохова стороной, а мне предстояло идти прямо на него, никак иначе. Я шагнул и так состоялось (! — Слово без его участия. — **В. Б.**) рукопожатие. Ссориться на первых порах было ни к чему (При первой встрече ссориться — из-за чего? Из-за места за столом на банкете? Да ещё на правительственном приёме! — **В. Б.**). Но и тоскливо мне стало (Не из-за того ли, что “Тихий Дон” написал не ты? — **В. Б.**), и сказать совершенно нечего, даже любезного (А через несколько дней наговорил столько любезностей, что хоть святых выноси. — **В. Б.**).

– Земляки? – улыбнулся он под малыми (!) усами (у самого-то и таких тогда не было. – В. Б.), растерянный (Ещё бы! С такой глыбой встретился. – В. Б.), и указывая путь сближения.

– Донцы! – подтвердил я холодно и несколько угрожающе (О Господи, он ещё и угрожал Шолохову! Уже! Да чем же? Слово-то сказано самое безобидное. – В. Б.).”

И дальше уже, совершенно как Бенедикт Сарнов, критик: “Невзрачный Шолохов... Стоял малоросток и глупо улыбался... На трибуне он выглядел ещё более ничтожным”. Тут не хватает только слов Сарнова: “Совершенно неписательская внешность...”.

И ещё: “Моё сердце терзали чекистские когти – именно в эту осень сунули Нобелевскую премию в палаческие руки Шолохова”. “Сунули” не осенью, а зимой 1965 года. И все честные люди радовались. А вот тебе не “всунули”, а впарили, как потом Горбачёву. И все честные люди плевались так, что повысился уровень Тихого океана.

Тут не обойти “палаческие руки”. О солдате Андрияшине, погибшем на фронте из-за холуйства Солженицына перед начальством, я уже упоминал. Но это не единственный труп на его пути к Нобелевской премии. В лагере, где, по собственному признанию в “Архипелаге”, он был сексотом, когда уже подходил к концу его срок, 22 января 1952 года заключённые хотели устроить массовое выступление и потребовать освободить из карцера своих товарищей, оказавшихся там, как они считали, несправедливо. Пронюхав об этом, Солженицын 20 января написал начальству донос, будто готовится восстание. Этот донос неоднократно печатался и за границей, и у нас. Вот его текст:

“Сов. секретно

Донесение с/о от 20.1.52 г.

В своё время мне удалось, по вашему заданию, сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: “Ну, всё, скоро сбудутся пророчества гимна: кто был ничем, тот станет всем!” Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Макушь, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надёжную группу, в основном, из своих – бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Маклуша из 2, 8 и 10 бараков должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать “своих”. Далее разговор дословно. “Она же займётся и стукачами. Всех знаем! Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берёт штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то!” Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кендзирский и военлёт Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолётов и собирают деньги. Теперь я окончательно убеждён в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля: “А полячишка-то, вроде, умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!”

Ещё раз напоминаю в отношении моей просьбы **обезопасить меня от расправы уголовников**, которые в последнее время донимают подозрительными распрсами.

Ветров

20.1.52” (ВИЖ № 12’90. Перепечатка из журнала “Neue Politik № 2’78. Гамбург).

Этот фрагмент из книги “Der Bart ist ab” (“Без бороды”) швейцарского писателя Франка Арнау. Его, как сказано в редакционной врезке, “сильно занимал миф, который возник на Западе вокруг личности и сочинений Александра Солженицына и особенно вынашивался теми, кто хотел бы возродить холодную войну”. Арнау удалось собрать обширный материал о Солженицыне, он ездил для изучения этого в Советский Союз, встречался с его однолагерниками Л. Копелевым и др. В предисловии к фрагменту сказано, что книгу “ни одно издательство не хочет публиковать, хотя автор – писатель, пользующийся успехом”. Он умер в феврале 1978 года. И фрагмент напечатан с согласия его вдовы Этты Арнау.

Донос Ветрова своей чрезмерной обстоятельностью, дотошностью и некоторыми другими важными особенностями должен был бы вызвать сомнение у тех, кому он поступил. В самом деле, при совершенно случайной встрече с Ветровым не в каком-то укромном месте, а у пошивочной мастерской Мегель ведёт себя, по описанию доносчика, чрезвычайно странно: излагает план бунта до мельчайших подробностей вроде отключения движка. С какой стати? Он же крайне заинтересован в сохранении полной тайны, но вдруг выкладывает всё до точки такому человеку, как Ветров. Ясно, что тот всё выдумал, и позже, описывая это событие в “Архипелаге”, признал, что, вопреки его доносу, никакое восстание не планировалось. Донос был чистой провокацией, каких Солженицын устроил в жизни немало. Но эта оказалась с кровью, с трупами.

У администрации лагеря времени разобраться в доносе уже не оставалось, надо было действовать срочно. Утром заключённые действительно собрались на плацу, стали требовать, страсти накалились, как может повернуться дело, было неясно, и администрация, видимо, в растерянности и страхе, применила оружие. Несколько человек погибли. На чьей это совести?.. Да ещё нельзя не вспомнить Елизавету Воронянскую, покончившую жизнь самоубийством после того, как у неё изъяли этот самый “Архипелаг”, вручённый ей Солженицыным. Так какие же у него руки?

А Шолохов своими “палаческими руками” не только написал действительно бессмертный “Тихий Дон”, но и отчаянными письмами Сталину в 1933 году спас от голодной смерти десятки тысяч своих земляков.

А всё дело с возрождением клеветы о плагиате “Тихого Дона”, видимо, в премиях. Солженицына выдвинули в 1963 году на Ленинскую – и прокатили, а Шолохов в 1965-м получил Нобелевскую, которую заслужил ещё лет тридцать тому назад. Стерпеть это Солженицын не мог. Уверял в “Телёнке”, будто Твардовский сказал завотделом культуры ЦК В. Ф. Шауро: “Вы думаете, первый русский писатель – кто? Михаил Александрович? Ошибаетесь!” (с. 170). Вот сказанул и побежал к Солженицыну порадовать его. Это Твардовский-то, который уже прозревал от “новомирской” мороки и говорил ему: “У вас нет ничего святого... Ему с... в глаза, а он – Божья роса!... Вы страшный человек. Если бы я пришёл к власти, я бы вас посадил” (там же. С. 103, 139, 95). Это о Солженицыне-то, который называл Твардовского трусом и пьяницей (О. Андреева. Возвращение в тайный круг. М. 2004. С. 132).

Да, он тут же возродил возню вокруг “проблемы авторства “Тихого Дона”, которая началась ещё в 1929 году, когда появились изумившие всех первые части этой великой книги. И ведь на первый взгляд, сомнение понять можно: автор так молод! Но вот мы отмечаем сейчас юбилей Лермонтова, прожившего всего 26 лет. И кто-нибудь сомневается в его гениальности? А Пушкин однажды заметил: “Гений постигает истину с первого взгляда”.

Тогда была создана комиссия во главе с М. И. Ульяновой, и после того, как Шолохов представил рукопись, во всём разобрались, об этом было напечатано в газете, и возня прекратилась. И вот спустя тридцать пять лет – снова. Конечно, у Солженицына нашлись подпевалы: С. Стариков, Рой Медведев, а некая И. Н. Медведева-Томашевская целую книгу накатала, но то ли надорвалась от чрезмерной спешки, то ли совесть заела, – тотчас почил в Бозе. И все шумели: “А где рукопись? Представьте рукопись! Нет же рукописи!” И действительно, с тех давних пор она куда-то запропастилась. Долгое время не знали, что ответить. Но вдруг рукопись, наконец, нашлась у вдовы погибшего на войне приятеля Шолохова Василия Кудашева, которому писатель тогда, в 1929 году отдал её, не очень-то заботясь о сохранности. И рукопись с предисловием Феликса Кузнецова, знатока проблемы, много тут поработавшего, была опубликована. Читайте.

Так вот, курам на смех аж за четыре с половиной года (целый президентский срок!) специальным Указом создана Комиссия по празднованию 100-летия Солженицына. Времени много. Первым делом эта высокая Комиссия пусть и займётся поисками рукописи “Архипелага” и опубликует её. А мы читаем. А как же иначе, мадам?